

Мультимодальность в человеческом взаимодействии¹

doi: 10.22394/2074-0492-2023-2-197-222

Резюме:

Данная статья является кратким описанием того, что такое мультимодальное взаимодействие и какими вопросами заняты его исследователи. Она представляет собой компиляцию предыдущих исследований Гудвина, которые сформировали основу мультимодального анализа. Человеческое действие строится путем активного комбинирования материалов с различными свойствами в ситуированных контекстуальных конфигурациях, где они могут взаимно уточнять друг друга, создавая целое, которое одновременно отличается от составляющих его частей и превосходит их. Это имеет ряд последствий для организации языка, действия, знания и воплощения в ситуативном взаимодействии. В данной статье будут рассмотрены два феномена, которые зависят от такой распределенной организации действия. Во-первых, будет рассмотрен Чил, человек, получивший серьезное повреждение левого полушария мозга, в результате чего его словарный запас оказался ограничен тремя словами — «да», «нет» и «и», — который тем не менее был способен действовать в качестве эффективного говорящего в разговоре. Он делал это, оперируя речью других людей так, чтобы побуждать их произносить слова, которые были нужны ему, но которые он не мог произнести сам, а также используя жесты, чтобы включать значимые феномены окружающей его среды в организацию своего высказывания. Во-вторых, будут исследованы процессы, посредством которых археологи приобретают способность видеть релевантную структуру в раскапываемом ими грунте и создавать документы, такие как карты, которые оживляют дискурс их профессии. Способ выстраивания действия посредством одновременного использования материалов с различными свойствами позволяет опытным археологам калибровать профессиональное зрение, практику и воплощенные знания новичков и тем самым интеракционно конструировать в рамках ситуативного взаимодействия познание, способы видения и воплощенные практики новых археологов. Как способность Чила действовать в роли говорящего, так и социальная организация воплощенного знания и восприятия, необходимых для работы в качестве члена научного сообщества, становятся возможными благодаря тому, что разные социальные акторы приносят различные виды материалов в общий ход действия.

---

1 Перевод с английского Михаила Белова, под редакцией Андрея Корбута. Источник: Goodwin C. (1983) *Multimodality in human interaction*. *Calidoscópico*. 1983. 8(2): 85–98. Все примечания принадлежат переводчику. Перевод выполнен по лицензии CC BY.

Ключевые слова: мультиmodalность, афазия, профессиональное зрение, жестикуляция, указание, разговор-во-взаимодействии

В этой статье я предложу некоторые подходы к тому, как можно изучать человеческий язык, познание (cognition), действие и воплощение¹ в качестве социальных феноменов. Для начала я рассмотрю, как человек, способный после тяжелого повреждения левой стороны мозга произносить всего лишь три слова, тем не менее может действовать в качестве эффективного участника разговора, используя ресурсы, предоставляемые его собеседниками, и смысловую структуру, седиментированную в окружающей его среде. Можно возразить, что ситуация человека с тяжелой формой афазии — особенная. Чтобы продемонстрировать общую важность интеракционной рамки для анализа не только языковой практики, но и познания и действия, я использую видеозаписи раскопок на археологической полевой школе, с помощью которых я анализирую, каким образом воплощенное восприятие и знание — например, профессиональное зрение, позволяющее археологу увидеть остатки предшествующей деятельности на небольшом участке земли — организуются посредством воплощенной интерактивной практики.

198

Эта статья в значительной степени опирается на работы, которые я уже публиковал ранее. Нередко большие фрагменты моих предыдущих статей без изменений включаются в настоящую работу. Из предыдущих статей я больше всего опираюсь на Goodwin (2007b), где анализируется, как человек с афазией может выступать в роли эффективного говорящего, и Goodwin (2010), где рассматривается социальная организация воплощенности в археологии. Многие мои другие статьи тоже чрезвычайно релевантны для выдвигаемых здесь аргументов, включая «Профессиональное зрение» [Goodwin and Goodwin 1992], «Экологически связанные жесты» [Goodwin 2007a], «Действие и воплощение» [Goodwin 2000], а также мое нынешнее исследование, в рамках которого я изучаю, как Чил, человек с тяжелой афазией, использует разную просодию с одними и теми же лексическими элементами для построения очень разнообразных форм действия [Goodwin, s.d.].

1 Понятие воплощения (embodiment) занимает очень важное место в мультиmodalном анализе и в теории Гудвина в частности. Везде и только там, где употребляется это слово или образованные от него формы, для перевода используется слово «воплощение» (понимать как «во плоти», встроенное в тело, em-bodied).

Языковая сложность и диалогическая организация языка

Многие модели говорящего и языка, производящегося говорящим, сосредоточены на производстве богатых символических структур одним человеком. Таким образом, формальная лингвистика задается вопросом о том, как богатые грамматические предложения могут строиться посредством систематических ментальных операций говорящего. Даже ученые вроде Бахтина [Bakhtin 1981] и Волошинова [Volosinov 1973], рассматривающие язык как принципиально социальную практику, используют в качестве своих основных данных богатую языковую структуру, которая делает возможными такие явления, как чужая речь¹ [Goodwin 2007b]. Здесь речь предыдущего говорящего вступает в диалогические отношения с речью текущего говорящего через то, как она включается в язык и сознание текущего говорящего.

Используя Волошинова [Volosinov 1973] в качестве отправной точки, Гоффман [Goffman 1981] разработал подробную и важную модель, которая деконструирует говорящего на ряд различающихся сущностей, способных существовать одновременно в рамках одного высказывания.

199

На рисунке 1 демонстрируется ситуация, в которой рассказчица цитирует то, что сказал ее муж. Ситуация вращается вокруг одной из типичных сцен для общества среднего класса. Друзья купили новый дом. Будучи гостями, впервые посетившими дом, рассказчица и ее муж Дон восхищались приобретением своих друзей. Однако, рассматривая обои в доме, Дон спросил хозяев, имели ли те возможность «подобрать их» (“pick it out”, выбрать свои собственные обои), или были вынуждены согласиться на обои, выбранные строителями: «взять эти обои» (“take this wallpaper”) (строки 13–16).

Кто говорит в строках 14 и 16? Голос, который слышен, принадлежит Энн, нынешней рассказчице. Однако она цитирует то, что сказал ее муж Дон, и, более того, представляет его поступок как ужасный промах, оскорбление хозяев в описываемой сцене. Она одновременно цитирует слова другого человека и занимает определенную позицию по отношению к тому, что было сделано с помощью этих слов. В самом прямом смысле Энн (текущая рассказчица истории) и Дон (главный герой ее истории) оба являются «говорящими» то, что сказано в строках 14 и 16, хотя и по-разному. Аналитическая схема, предложенная

1 То, что Волошинов называл в своих книгах «чужой речью», на английский перевели как «reported speech», и Гудвин использует это словосочетание. Хотя более гибким переводом был бы вариант «косвенная речь», было принято решение оставить изначальный русский вариант.

Гоффманом в статье “Footing” для того, что он назвал «форматом производства» высказывания, предоставляет мощные инструменты для деконструирования «говорящего» в сложное напластование структурно различающихся видов сущностей (см. рис. 2).

	(4.0)	
1 Ann:	Well- ((throat clear))	(0.4)
	Так что- ((прочищает горло))	
2	We coulda used a liddle, marijuna.	
	Мы моглибы покурить немного, марихуны.	
3	tih get through the weekend .	
	штоп выдержать выходные.	
4 Beth:	What happened.	
	Что случилось.	
5 Ann:	Karen has this new house .	
	У Карен новый дом.	
6	En it's got all this like (0.2) ssilvery:: g-go:ld	
	И в нем типа (0.2) ссеребряно:: з-золотые:	
7	wwa:lpaper,	
	ообо:и,	
8	*hh (h) en D(h)o(h)n sa(h)ys,	
	*hh (h) и Д(h)o(h)n гово(h)рит,	
9	y'know this's th'firs'time we've seen this hou:se.	
	а мы первый раз видим этот дом.	
10	=Fifty five thousn dollars in Cherry Hill.=Right?	
	=Пятьдесят пять тыщ долларов в Черри-Хилл.=Так?	
11	(0.4)	
12 Beth:	Uh hu:h?	
	Э ага:?	
13 Ann:	Do(h)n said (0.3)	
	До(h)n сказал	
14	dih-did they ma:ke you take this wa(h)lp(a(h)p(h)er?	
	он-они заставили вас взять эти о(h)бо(h)и	
15 Beth:	hh!	
16 Ann:	=er(h)dirdju pi(h)ck i(h)t ou(h)t.	
	=или(h)вы и(h)x са(h)ми вы(h)бра(h)ли.	
17 Beth:	Ahh huh huh huh huh=	
	Ах ха ха ха ха=	

200

Рис. 1. Передача речи другого говорящего.
Fig. 1. Reporting the speech of another.

С точки зрения категорий, предложенных Гоффманом, Энн является аниматором, стороной, чей голос фактически используется для производства этого фрагмента речи. Однако автором этого разговора, стороной, создавшей сказанную фразу, является другой человек, муж говорящей, Дон. В самом прямом смысле он несет ответственность не только как автор этого высказывания, но и как его принципал, сторона, несущая социальную ответственность за выполнение действия, совершенного первоначальным высказыванием. Гоффман часто отмечал, что речь ведущих повседневную беседу может составлять целый театр. И действительно, здесь Энн выводит Дона на сцену как персонажа истории, которую она рассказывает, или, в терминах Гоффмана, анимирует его как фигуру.

Кроме того, в пространстве высказывания Энн наблюдается сложное многослойное и темпоральное взаимопроникновение этих различных видов сущностей. Поэтому было бы невозможно обозначить это высказывание как цитату, поставив кавычки до и после слов Дона. Помимо отчета об этих словах, высказывание также содержит ряд токенов смеха, которые должны слышаться не как часть того, что сказал Дон, а, наоборот, как комментарии нынешнего говорящего, Энн, к тому, что делал Дон посредством этих слов. С помощью токенов смеха Энн одновременно демонстрирует свою собственную позицию по отношению к высказыванию Дона, формулируя его речь как нечто, над чем следует посмеяться, и приглашает слушателей это сделать благодаря заложенной в токены смеха возможности приглашать посмеяться [Jefferson 1979]. Таким образом, Энн анимирует Дона как фигуру в своей речи и одновременно дает свой собственный комментарий к тому, что он сказал, размещая свои токены смеха по всему цитируемому фрагменту речи.

Одним словом, в “Footing” Гоффман предлагает плодотворную модель для систематического анализа сложного театра различных видов сущностей, способных сосуществовать в одном фрагменте чужой речи. Разрабатываемая им аналитическая рамка раскрывает важные аспекты когнитивной сложности говорящих в разговоре, которые создают вокруг своих высказываний плотно населенный и имеющий сложную текстуру мир. Помимо производства осмысленного лингвистического предложения, Энн, в пределах одного высказывания, создает образ другого говорящего, имеющий социальные последствия. Его речь насквозь пронизывается речью иного рода, выражающей позицию Энн по отношению к его словам и формулирующей как то, что он сказал (например, в качестве объекта для смеха), так и то, какого типа человек сказал бы такое. Гоффмановская деконструкция говорящего содержит подлинные аналитические открытия и инструменты для применения этих открытий к важному фрагменту речи.

Гоффмановский говорящий — многослойная структура, включающая в себя совершенно разные типы сущностей, которые сосуществуют в рамках одного высказывания, — обладает значительной когнитивной сложностью. Тем не менее никакая сравнимая семиотическая жизнь не анимирует слушателей Гоффмана. В отдельном разделе статьи они описываются как когнитивно простые точки в аналитической сетке, охватывающей возможные типы участия в речевой ситуации (например, «адресат» против «подслушивающего» и так далее). Из-за того, что модель Гоффмана (как и модель Волошинова) фокусируется исключительно на феноменах в структуре речи, видимые тела слушателей и то, как другие стороны, помимо говорящего, могут рефлексивно участвовать в текущей организа-

ции высказывания, оказываются невидимыми. Для такого логоцентризма есть веские причины. На протяжении тысячелетий люди пытались решить проблемы, связанные с передачей значимой структуры речевого потока в письменной форме. Системы письменности, а также открытия и методологические инструменты, которые они предоставили для анализа лингвистической и фонетической структуры и создания точных записей, которые могут сохраняться во времени и переноситься с места на место, etc., являются главными достижениями, которые обеспечивают важнейшую инфраструктуру для многих исследований структуры языка, речевых жанров и, в последнее время, речи-во-взаимодействии. Однако такой перекоп в сторону того, что может быть записано, делает многие ключевые феномены, включая одновременные воплощенные действия слушателей, невидимыми и недоступными для анализа [Linell 2005].

202

Рис. 2. Многослойный спикер.
Fig. 2. A laminated speaker.

Современные видео- и компьютерные технологии позволяют исследовать на повторяющейся основе как тела, так и речь участников взаимодействия и, таким образом, аналитически выйти за рамки логоцентризма. Некоторые данные свидетельствуют о том, что

ни речь, ни язык сами по себе не являются самодостаточными системами, а функционируют в рамках более крупной экологии систем знаков [Goodwin 2000].

Построение высказывания вместе с другими

Анализ языка с точки зрения формальной лингвистики, а также социальные модели языка Бахтина, Волошинова и Гоффмана требуют в качестве отправной точки высказывания с богатым синтаксисом, например, клаузы, в которых сообщаемая речь другого встраивается в более крупное высказывание текущего говорящего. Необходимость богатого синтаксиса не только исключает важные действия, такие как симметричные приветствия, которые, по крайней мере в английском языке, часто выполняются с помощью одного-двух слов (например, “Hi”) [Schegloff 1972], но и определенные типы говорящих.

Из-за тяжелого инсульта, перенесенного в 65 лет, Чил, действия которого мы далее рассмотрим, может произносить только три слова: «да», «нет» и «и». Он не способен производить высказывания, которые, судя по всему, необходимы для гоффмановского «формата производства» и волошиновской «чужой речи» (то есть он не может построить предложение типа «Джон сказал X»). Кажется, что такой человек, как Чил, не дотягивает до того, кто считается компетентным говорящим, необходимым как для их диалогического анализа, так и для формальной лингвистики.

На самом деле Чил — эффективный говорящий во взаимодействии и, более того, говорящий, способный включать в свои высказывания речь других людей. Описание того, как он это делает, требует модели говорящего, выходящей за рамки отдельного человека. Примером может служить последовательность, представленная на рисунке 3. Сын Чила Чак и невестка Кэнди обсуждают с ним количество снега, выпавшего за зиму в районе Нью-Йорка, где живет Чил. После того, как Кэнди отмечает, что «в этом году» (“this year”) выпало не так много снега (с чем Чил энергично соглашается в той части разговора, которая не была включена в данный транскрип), в строке 11 она говорит, что такая ситуация заметно отличается от того количества снега, которое выпало «в прошлом году» (“last year”). Первоначально Чил вроде бы соглашается с помощью “yeah” (во взаимодействии в опущенной части разговора Чил энергично соглашался с тем, что говорила Кэнди, и, таким образом, есть основания ожидать и действовать так, как если бы этот процесс продолжался и здесь). Однако он заканчивает выражение своего согласия прерыванием (тем самым зримо обрывая и корректируя свое первоначальное выражение согласие) и переходит к сильному,

ярко выраженному несогласию в строке 13. Кэнди тут же поворачивается к нему и меняет свое «в прошлом году» (“last year”) на «в позапрошлом году» (“the year before last”). До того, как она успевает закончить, Чил (строка 15) подтверждает правильность уточненного варианта.

Несмотря на его крайне обедненный язык, Чилу удается сделать в разговоре непростой и точный ход: в отличие от того, что первоначально сказала Кэнди в строке 10, много снега было не «в прошлом году» (“last year”), а «в позапрошлом году» (“the year before last”). Чил говорит это, заставляя кого-то другого произнести именно те слова, которые ему нужны. Высказывание в строке 14 семантически и синтаксически намного превосходит то, что Чил мог бы сказать сам.

Участники разговора обсуждают снег в том месте, где живет Чил

1 Candy: You haven't had **that** much this year have you.
В этом году у тебя еще **столько** не было да.
...(8 строк опущены)

10 Candy: But **la-st** year. Whoo!
Но в **n** **рошлом** году. Ух!

11 Chuck: mm
mm

12 Candy: In the l-ast year-
В прошлoм году-

13 Chil: °yeah- **No. No. No.:**
да- **Нem. Нem. Нem.**

14 Candy: er the year before la-st.
и в позапрошлом.

15 Chil: Yes.
Да.

204

Рис. 3. Использование языковых способностей другого говорящего.
Figure 3. Using the language abilities of another.

Хотя высказывание в 14-й строке не только произносится, но и конструируется Кэнди, было бы неправильно рассматривать его как ее высказывание. Во-первых, чуть ранее, в строках 10 и 12, она озвучила позицию, которая здесь опровергается. Во-вторых, как показывает согласие Чила в строке 15, Кэнди предлагает исправленный вариант как нечто, что должно быть принято или отвергнуто Чилом, а не как эпистемически собственное заявление. Таким образом, строка 14 вроде бы требует того типа деконструкции говорящего, к которой призывал Гоффман в “Footin”, Кэнди в некотором смысле является аниматором или «звуковым ящиком» (“sounding box”) для позиции, озвучиваемой Чилом. Однако аналитическая

схема, предложенная Гоффманом в “Footing”, не совсем точно отражает происходящее здесь. Хотя Кэнди в некотором важном смысле выступает в роли аниматора для Чила, она не упоминает его и никакого цитирования не происходит. Идея, что Чил в некотором смысле является автором и принципалом 14-й строки, кажется интуитивно убедительной (сказанное в этой строке не было бы сказано без его вмешательства, и он рассматривается как конечная инстанция вынесения суждения о правильности сказанного). Однако каким образом можно идентифицировать в качестве автора строки 14 того, кто совершенно неспособен произвести ни ее семантику, ни ее синтаксис?

Для прояснения этих вопросов нужно более тщательно рассмотреть интерактивные практики, используемые для построения происходящего здесь разговора. Интервенция Чила в 13-й строке является примером того, что Шеглофф, Джефферсон и Сакс (1977) описывают как починку, инициированную другим. Своим «Нет Нет. Нет.»¹ Чил настойчиво указывает, что с только что сказанным Кэнди, которая является предыдущим и все еще текущим говорящим, что-то не так. Она может повторно проанализировать свои слова, чтобы попытаться найти то, что нуждается в починке, и здесь этот процесс выглядит несложным. В ответ на ход Чила Кэнди меняет «в прошлом году» (“last year”), ключевую формулировку в высказывании, против которого возражает Чил, на альтернативную формулировку «в позапрошлом году» (“the year before last”).

205

Такие практики организации починки, которые широко распространены не только в интеракциях Чила, но и в высказываниях свободно владеющих речью говорящих [Schegloff et al. 1977], имеют ключевое значение как для способности Чила функционировать в качестве говорящего во взаимодействии, так и для проверки аналитических моделей, предложенных Гоффманом и Волошиновым. Во-первых, благодаря тому, что «да» и «нет» Чила привязаны к конкретным фрагментам речи других (например, к тому, что только что сказала Кэнди), они имеют сильный индексальный компонент, который позволяет Чилу использовать в качестве ресурса детализированную структуру в речи других и в некотором смысле включать эту речь в свои собственные, лингвистически обедненные высказывания. Так, в строке 13 слышно, что он возражает не против жизни в целом, а именно против того, что сказала Кэнди в строке 12, и соглашается с тем, что она сказала в строке 14. Во-вторых, в основе такого расширения доступных

1 В оригинале: “No No. No.:”.

Чилу лингвистических ресурсов лежит способ встраивания его отдельных высказываний в последовательности диалога с другими, или, в более общем смысле, в последовательностную организацию взаимодействия. Однако именно это понятие диалога как последовательностей высказываний нескольких участников Волошинов [1973: 116] стремился исключить из своей формулировки диалоговой организации языка. Тем не менее действия Чила здесь являются наглядной демонстрацией более широкого бахтинского аргумента о том, что говорящие в своей речи «арендуют» и повторно используют слова других.

В-третьих, происходящее здесь требует деконструкции говорящего, которая релевантна, но отличается от того, что предлагает Гоффман в “Footing”. То, что Чил говорит своим «Нет» в 13-й строке, индексально включает в себя то, что Кэнди сказала в 11-й, хотя Чил не цитирует и не способен процитировать то, что она сказала там. Вместо структурно богатого одиночного высказывания, предлагаемого в разрабатываемой Гоффманом модели нескольких голосов, наслаивающихся друг на друга в сложном высказывании одного говорящего, здесь мы обнаруживаем один лексический элемент, простое «Нет» (“No”), которое охватывает несколько чередов (например, в строках 11 и 13) отдельных акторов (Кэнди и Чила). В отличие от рассказа Энн на рисунке 1, высказывания Чила нельзя понимать или анализировать изолированно. Их понимание требует включения чужих высказываний, с которыми Чил зримо устанавливает связь.

206

Говорящий здесь не находится в одном человеке, а распределен по нескольким телам и помещен в последовательность высказываний. Умение Чила детально манипулировать структурой складывающегося разговора, возражая против только что сказанного, то есть действовать во взаимодействии, превращает его в ключевого автора исправления, совершаемого Кэнди в строке 14, несмотря на его неспособность произнести язык, который там используется. Хотя Кэнди не сообщает о речи другого, она говорит за Чила в строке 14 и назначает его принципом того, что там говорится. Все это требует модели говорящего, которая берет в качестве центральной отправной точки не умение цитировать речь другого (хотя способность включать, устанавливать связь и повторно использовать чужую речь крайне важна), а способность производить значимое действие в рамках последовательностей взаимодействия.

В-четвертых, совершающееся здесь действие и дифференцированные роли, которые стороны исполняют в нем, определяются не только речью, но и участием как динамически разворачивающимся процессом. В начале 13-й строки Кэнди отворачивается

от Чила, чтобы посмотреть на Чака. Речь Чила в 13-й строке возвращает взгляд Кэнди на него (ее глаза перемещаются от Чака к Чилу во время последнего из его трех «нет»). Такое привлечение взгляда адресата похоже на то, как свободно владеющие речью говорящие используют феномены вроде рестартов (restarts), чтобы добиться взгляда слушателя, прежде чем приступить к содержательному высказыванию [Goodwin 1980, 1981].

В данном случае, однако, следующее высказывание производит адресат, Кэнди, а не Чил, сторона, добивающаяся взгляда. Тем не менее через организацию своего тела Чил показывает, что он действует как кто-то больший, нежели реципиент высказывания Кэнди, и вместо этого разделяет роль говорящего это высказывание. Как правило, жесты производятся говорящими. Исследование Макнила [McNeill 1992] убедительно показывает, что высказывание и сопровождающий его жест являются взаимосвязанными компонентами одного основополагающего процесса. Строка 14 сопровождается жестом. Однако его выполняет не говорящий человек — Кэнди, а Чил (см. рис. 4).

207

Рис. 4. Разные участники производят разговор и жесты, его сопровождающие.

Fig. 4. Separate participants produce talk and its accompanying gesture.

Таким образом, Чил участвует в высказывании Кэнди, совершая действие, обычно предназначенное для говорящих, и при этом зримо демонстрирует, что он в некотором роде действует как кто-то больший, нежели слушатель. Этот жест представляет собой визуальную версию того, что говорила Кэнди, и, в частности, иллюстрирует идею о том, что одной единице (которую можно понимать как «год» (“year”) в силу того, как жест темпорально связан с речью Кэнди) предшествует другая. Когда Кэнди произносит «год» (“the

year”), Чил поднимает руку в ее сторону с двумя вытянутыми пальцами. Затем, когда она говорит «позапрошлый» (“before last”), он двигает жестикулирующую руку вниз и влево (см. рис. 4). Даже если эта интерпретация жеста неизбежно остается спекулятивной (как для участников, так и для аналитика) из-за неспособности Чила полностью прояснить ее в собственной речи, жест точно скоординирован со складывающейся структурой речи Кэнди и наглядно демонстрирует участие Чила в поле действия, которое организуется посредством этой речи.

Обнаруживающийся здесь говорящий не определяется богатыми символическими структурами, составляющими часть ментальной жизни отдельного человека, а распределен по множеству тел, и обнаруживающиеся здесь знаки, используемые для построения высказывания и действия, распространяются на воплощенное действие за пределами потока речи. Высказывание и выражаемая им пропозиция являются многоучастными (multi-party) и мультиmodalными (multi-modal).

208

Ниже приводится еще один пример того, как позиция говорящего распределяется между несколькими телами и встраивается в последовательностную организацию диалога. Здесь дочь Чила, Пэт, и сын Чак планируют поход по магазинам. И снова Чил перехватывает высказывание говорящего решительным «Нет» (“No”) (строки 6–7 на рис. 5). Пэт говорит о проблеме поиска носков, которые подойдут для ножного корсета Чила, поскольку магазин, где она покупала их в последний раз, закрылся.

Происходящее здесь структурно похоже на фрагмент с «позапрошлым годом», рассмотренный на рисунках 3 и 4. После того, как Чил использует «Нет» (“No”), чтобы оспорить что-то в текущем высказывании, говорящий вносит изменения, которые Чил подтверждает. Чил снова оперирует складывающейся последовательностной структурой локального диалога, чтобы побудить другого говорящего произнести нужные ему слова. Однако если на рисунке 3 Кэнди смогла произвести необходимое изменение путем довольно прямого преобразования текущего высказывания (изменив «в прошлом году» (“last year”) на «в позапрошлом году» (“the year before last”)), то ресурсы, которые использует для внесения изменений Пэт, не видны в транскрипте. Как ей удастся найти совершенно другой магазин и, более того, определить его географическое местоположение? При изучении визуальной записи этого взаимодействия мы обнаруживаем, что в дополнение к речи Чил делает наглядный указательный жест, возражая на то, что говорит Пэт. Пэт воспринимает это как указание на конкретное место поблизости: магазин в соседнем городе, находящийся в том направлении, куда указывает Чил (см. рис. 6).

- 1 Pat: So you always need the black socks:
Так что черные носки: тебе нужны всегда
- 2 Chuck: °umm.
мм.
- 3 (1.7)
- 4 Pat: It's too bad we found **those** there **too**
Жаль, что мы брали **их** тоже **там**
5 at the store that went outa busi-ness.
в магазине, который закрылся.
- 6 Chil: Na- °dee **No**:=
7 =dih dih dih- На- °ди **Нет**:=
=дай дай дай-
8 (0.5)
- 9 Pat: Yeah.=**You** went to **Bergenfield**.
Да.=**Ты** ездил в **Бергельфилд**.
- 10 Chil: **Ye:s**.
Да:

Рис. 5. Просто разговора недостаточно.

Fig. 5. Talk alone is inadequate.

Чил конструирует свое действие в строках 6-7, используя одновременно несколько совершенно разных смыслообразующих практик, которые взаимно уточняют друг друга. Во-первых, как было видно и в примере с «прошлым годом» на рисунках 3 и 4, точно размещая свое «Нет» (“No”) (которое снова накладывается на оспариваемое утверждение), Чил получает возможность использовать то, что говорит другой говорящий, в качестве индексальной отправной точки для своего действия. Его слушатели могут использовать его высказывание для того, чтобы локализовать что-то довольно конкретное по поводу того, на что Чил пытается указать (например, что его действие касается чего-то, связанного с местом, где были куплены носки). Тем не менее, как наглядно демонстрирует этот пример, такое индексичное фреймирование ни в коей мере не является адекватным для точного определения того, что Чил пытается сказать (например, в строках 4-5 нет никакого указания на магазин в Бергенфилде). Однако Чил дополняет свое «Нет» (“No”) вторым действием — указательным жестом. Взятое само по себе, такое указание может быть довольно сложным для интерпретации адресатом. Даже если предположить, что предметом указания выступает что-то в окружающей среде, линия, созданная пальцем Чила, простирается на неопределенное расстояние. Указывает ли он на что-то в комнате перед ними, или, как в данном случае, на место, которое на самом деле удалено на несколько миль? Одна-

ко, используя параллельно производимую (co-occurring) речь, слушатель может получить ключевую информацию об указываемой точке (например, что это место, где были куплены обсуждаемые носки). Кроме того, указываемая точка ограничивает довольно открытое индексальное поле, очерченное предшествующим разговором, указывая на альтернативу тому, что только что было сказано. Как разговор, так и указательный жест сами по себе являются частичными и неполными. Однако, когда каждый из них используется для уточнения и придания смысла другому, создается целое, которое больше суммы своих частей [см. также: Wilkinson et al. 2003].

210 Способность правильно видеть и использовать указательный жест Чила требует знания структуры окружающей среды, которая задействуется через жест. Можно ожидать, что Пэт, как человек, регулярно действующий и передвигающийся там, где живет Чил, будет способна распознать такую структуру, в то время как незнакомый человек этого бы не сделал. Таким образом, действие Чила охватывает ряд довольно разных семиотических полей [Goodwin 2000], включая его собственную речь, речь другого говорящего, с которой связано «Нет» (“No”) Чила, его жестикулирующую руку и пространственную организацию его окружения. Хотя действия Чила строятся на основе общих практик (отрицание, указание и т. д.), они ситуированы и рефлексивно задействуют локальную среду, которая определяется как складывающейся последовательностной структурой текущего разговора, так и детальной организацией жизненного мира, в котором совместно живут он и его собеседники.

В одной из распространенных моделей того, как люди коммуницируют, адресат/слушатель концептуализируется как сущность, которая просто декодирует лингвистические и другие знаки, составляющие высказывание, и при помощи этого процесса восстанавливает то, что говорит говорящий. Такая модель явно не подходит для того, что происходит здесь. Чтобы понять, что Чил пытается сказать или указать, Пэт должна выйти далеко за пределы того, что можно найти в ее речи или в указательном жесте Чила. Знаки, которые производит Чил, не кодируют сами по себе предложение, а предполагают слушателя, который будет использовать их в качестве отправной точки для комплексной, контингентной работы вывода. Чилу требуется когнитивно сложный слушатель, который сотрудничал бы с ним в утверждении публичного смысла путем участия в текущем ходе действия.

Структуры участия, с помощью которых Чил становится говорящим, не заключены только в его высказывании — они распределены между несколькими высказываниями и актерами. В 9-й строке

Пэт реагирует на интервенцию Чила, предоставляя глоссу по поводу того, что, по ее мнению, он говорит: «Ты ездил в Бергенфилд» (“You went to Bergenfield”). Чил подтверждает правильность этого утверждения своим «Да» (“Yes”) в 10-й строке. Если анализировать это действие, опираясь только на транскрипт, может показаться, что это простое согласие с тем, что сказала Пэт в 9-й строке. Однако при просмотре визуальной записи взаимодействия видно, что Чил переводит взгляд с Пэт на Чака, когда произносит это слово (рис. 7).

Множественные контекстуальные поля

<p>Локальный разговор</p> <p>Указательный жест</p>	<p>Нет</p> <p>Структурирование Пространство Локального Жизненного Мира</p>	
1 Pat:	So you always need the black socks: Так что черные носки: тебе нужны всегда	
2 Chuck:	°umm. мм. (1.7)	
3		
4 Pat:	It's too bad we found those there too Жаль, что мы брали ux тоже tam at the store that went outa busi ness. в магазине, который закрылся.	
5		
6 Chil:		
7	=dih dih dih- =дай дай дай- (0.5)	
8		
9 Pat:	Yeah.= You went to Bergenfield . Да.= Ты ездил в Бергельфилд .	
10 Chil:	Ye:s. Да:.	

**Глосса реципиента в следующем
числе обеспечивает разговор,
который эксплицитует жест**

Рис. 6. Построение смысла с помощью различных видов знаков, взаимно дополняющих друг друга.

Fig. 6. Building meaning with different kinds of signs that mutually elaborate each other.

Чак, приехавший в гости, живет на другом конце континента. Поэтому он не знает о многих недавних событиях в жизни Чила, включая магазин в Бергенфилде, о котором только что узнала Пэт (хотя Чак, выросший в этом городе, знаком с местной географией).

Переводом взгляда (и манерой произнесения «Да» (“Yes”), которую я не в состоянии передать должны образом в транскрипте) Чил зримо занимает позицию человека, который рассказывает Чаку об этом магазине. Таким образом, Чил выступает не только в роли автора, но и в роли говорящего и рассказчика (speaker and teller) этой новости. Разумеется, у него есть веские основания претендовать на эту позицию. Чуть раньше, в строках 4-5, Пэт говорила нечто совсем другое, и только вмешательство Чила заставило ее произнести высказывание, которое он сейчас подтверждает. В пределах одного слога в 10-й строке Чил осуществляет различные виды действия для структурно различных типов реципиентов: во-первых, подтверждение того, что только что сказала Пэт, знающая о событии, о котором идет речь, и теперь узнающая его; во-вторых, сообщение об этом событии Чаку, не знающему о нем реципиенту.

212

- 4 Pat: It's too bad we found **those** there **too**
 Жаль, что мы брали **их** тоже **там**
- 5 at the store that went outa busiⁿness.
 в магазине, который закрылся.
- 6 Chil: [Na- °dee **No**:=
 7 =dih dih dih- На- °ди **Нем**:=
 =дай дай дай-
 8 (0.5)
- 9 Pat: Yeah.=**You** went to **Bergenfield**.
 Да.=**Ты** ездил в **Бергельфилд**.
- 10 Chil: **Ye:s.**
Да:
- 11 Chuck: °uh huh. uh huh. ((Nods to Chil))
 °э а. э а. ((Кивает Чилу))
- 12 Pat: To the men's shop.
 В магазин для мужчин.

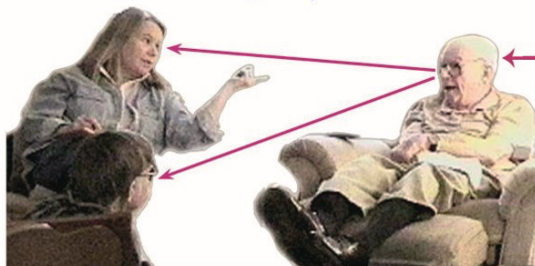
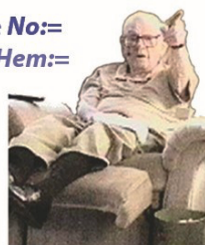

Рис. 7. Говорящий, распределенный между несколькими актерами и знаковыми структурами.

Fig. 7. A speaker distributed across multiple actors and sign structures.

И волошиновский анализ «чужой речи», и гоффмановская деконструкция говорящего фокусировались на изолированном высказывании одного человека, который сумел составить многослойный набор структурно различных типов участников, используя сложный синтаксис для цитирования речи другого. В отличие от этого, аналитическая рамка, необходимая для описания позиции говорящего (speakership), занимаемой Чилом в строке 18, должна выйти за его пределы как изолированного актора и охватить высказывания и действия других участников, которые он индексально включает в свое односложное высказывание в 10-й строке. Кроме того, понимание его действий требует внимания не только к структуре в потоке речи, но и к его видимому телу, а также к соответствующей структуре в окружающей среде. Занимаемая Чилом позиция говорящего (speakership) распределяется между несколькими высказываниями, произносимыми разными участниками (например, речь Пэт в строках 13 и 17 является центральной частью того, что сообщается через его «Да» (“Yes”)), и включает в себя не-лингвистическую структуру, предоставляемую как его видимым телом, так и семиотической организацией окружающей его среды. Его речь полностью диалогична. Однако анализ того, как он инкорпорирует речь других людей в структуру своей речи, требует выхода за рамки моделей чужой речи и говорящего, предложенных Волошиновым и Гоффманом.

Интерактивное конструирование когнитивно богатых воплощенных акторов

Мультимодальная интерактивная организация языка и тела, которая была центральной для способности Чила действовать в качестве говорящего и выстраивать действия совместно с другими, не ограничивается такими особыми случаями, как афазия. Более того, эти же практики могут охватывать не только речь и тела говорящих и слушающих, но и объекты в мире, а также организацию воплощенной практики, которая составляет ядро профессиональных навыков.

Для изучения этих феноменов мы рассмотрим теперь видеозаписи взаимодействия между археологами, вовлеченными в процесс зрительного обнаружения и нанесения на карту (mapping) релевантной структуры, которая становится видимой для их профессионального взгляда в исследуемом ими грунте культурного слоя. Записи были сделаны на полевой школе [представленный здесь анализ взят из: Goodwin 2010]. Старший археолог направляет формирующееся зрение новичка, который пытается увидеть и нанести на карту остатки древних зданий, которые сейчас видны только

в виде слабых цветных пятен в исследуемом грунте. Формирующееся здесь профессиональное зрение [Goodwin 1994], а именно способность видеть мир как археолог и доверять тому, что другие в этом сообществе видят мир таким же образом, является центральным для социальной организации (i) как восприятия, так и действия, (ii) для воплощенности как того, что социально организовано, так и (iii) для форм перспективного видения, которые являются центральными для ряда аналитических понятий, включая понятие культуры в антропологии.

В основе антропологического понятия культуры лежит наблюдение, что различные социальные группы видят и классифицируют окружающую среду и вещи, находящиеся в ней, радикально по-разному. Культурная антропология дает множество богатых описаний разнообразных систем категорий, встречающихся в различных культурах. Однако возможность такого разнообразия ставит вопрос не просто о различии, но скорее о том, как отдельные люди в сообществе (например, профессиональных археологов) могут, в отсутствие какой-либо формы чтения мыслей, надежно обнаруживать одни и те же объекты в сложных перцептивных средах, которые находятся в центре внимания их группы, и согласованно классифицировать то, что они видят. Каким образом археологи не только видят интересующие их феномены, такие как столбовые ямы и следы от плуга, в аморфном поле тонких цветовых различий в исследуемом ими грунте, но и доверяют другим археологам (но не посторонним людям) в том, что те надежно видят то же самое? Правильная классификация таких способностей — это не что-то, относящееся к ментальной жизни индивида. Скорее, задача, стоящая перед отдельными индивидами, которые согласованно видят, классифицируют и работают с вещами, находящимися в фокусе их работы, вытекает из необходимости совершения совместных действий в сотрудничестве друг с другом.

В своей работе я обнаружил, что продуктивным местом для изучения этих вопросов является обстановка, в которой происходит профессиональное обучение и новички становятся компетентными членами таких профессиональных сообществ, как археологи, хирурги и химики. Сейчас я коротко рассмотрю работу, совершаемую молодой студенткой археологии Сью в один из первых дней ее первой полевой школы. Перед ней стоит задача определить археологический объект (общий термин для обозначения видимой в грунте структуры, которая аналитически релевантна для работы археологов), очертив кончиком лопатки форму столбовой ямы — полости, в которой был столб, поддерживавший крышу древнего дома, — чтобы его можно было нанести на карту. Карта — необходимая запись, поскольку столбовая яма видна только в цветовом узоре грунта, с которым сейчас рабо-

тают, и формы, составляющие ее, будут уничтожены при удалении слоя грунта для раскапывания более глубоких слоев. Таким образом, ее задача охватывает три обыденных объекта, которые составляют материальную и когнитивную инфраструктуру археологии как профессии: во-первых, археологический объект, материальные следы деятельности более раннего человеческого общества; во-вторых, инструмент, в данном случае лопатка, который используется для выявления таких объектов в грунте, представляющем собой в буквальном смысле первичное основание археологической практики; и в-третьих, карта — портативная запись того, что можно было увидеть на поверхности грунта, которая впоследствии была уничтожена.

Сью дошла до того места в грунте, где трудно разглядеть форму столбовой ямы, которую она пытается очертить. Энн, старший археолог, которая руководит полевой школой, проводит пальцем вдоль секции столбовой ямы, говоря: «Это просто реально сложная часть» (“This is just a real nasty part of it”), а затем, мгновение спустя, проводит рукой над длинной полосой в грунте, которую она описывает как «помеху» (“disturbance”). Как видно в верхней части рисунка 8, большой палец и остальные пальцы руки Энн, которые имеют форму перевернутой буквы U, передают ширину полосы, в то время как ее движущаяся рука показывает ее длину (рис. 8).

Рис. 8. Экологически связанные жесты.

Fig. 8. Environmentally coupled gestures.

Энн строит свои действия с помощью триады структурно различающихся видов знаковых ресурсов — языка, своей жестикулирующей руки и грунта и с его цветовым узором, — которые взаимно проясняют друг друга, создавая целое, которое не только больше, но и отличается от любой из его составных частей. Сю не смогла бы надлежащим образом понять, что Энн говорит ей о том, как делать эту работу, если бы уделяла внимание любому компоненту этой триады изолированно, например, если бы она просто слушала то, что говорит Энн, или сосредотачивалась только на грунте. Такие экологически связанные жесты (*environmentally coupled gestures*) [Goodwin 2007a], которые соединяют вещи в мире с воплощенными действиями и классификациями этих вещей способами, релевантными для локальных участников («помеха», которая скрывает наносимый на карту объект), являются обычными и распространенными в некоторых обстановках, таких как археологические раскопки (другой пример — указание на таблицу Манселла в нижней части рисунка 8). Почему? Заметим, что для практикующего археолога чисто символическое понимание таких релевантных для работы категорий, как «помеха» или «столбовая яма», совершенно неадекватно. Абстрактное знание того, что помеха — это что-то, что деформирует стратиграфию или объекты, никоим образом не обеспечивает работающего археолога навыками и профессиональным зрением, необходимыми для компетентного обнаружения помех в их богатом физическом разнообразии — материальные следы от плугов, норы грызунов и т. д. — в реальном грунте, в раскапывании которого состоит его работа. Однако экологически связанные жесты объединяют в единый комплект действия, релевантные категории и непосредственно имеющиеся вещи, которые категоризируются как часть значимых действий, составляющих жизненный мир данной обстановки. Тем самым они помогают преодолевать, с помощью ситуированной (*situated*) практики, отмеченный Витгенштейном [Wittgenstein 1958] разрыв между правилом (в данном случае, категорией) и его применением, здесь — вещами в окружающей среде, которые следует рассматривать в качестве примеров этой категории. Одновременно в учебных обстановках, таких как полевые школы, они предоставляют ресурсы для формирования с помощью эндогенной социальной практики как вещей (вроде столбовых ям и карт), которые находятся в фокусе работы сообщества, так и воплощенных акторов сообщества, которым можно доверять в том, что они надлежащим образом распознают и работают с этими вещами именно теми способами, которые релевантны для интересов сообщества (например, выявление и картографирование объектов).

Совершающаяся трансформация сред (*environments*), например та, которая показана на рисунке 8, предоставляет важней-

шие ресурсы для калибровки, посредством публичной практики, профессионального зрения, необходимого для того, чтобы видеть, распознавать и правильно работать с вещами, которые находятся в фокусе работы сообщества. Проведение линии, очерчивающей объект, переносит на грунт, в котором ведутся раскопки, то есть на публичную арену, где он становится видимым для других, конкретный способ, которым рисующая контур увидела объект, то, где именно она локализовала его границы. Это конструирование созданной человеком формы, которая впоследствии будет перенесена на карту, представляет собой акт категоризации, а именно создание иконического знака, выражающего важнейшие аспекты вещи, на которую направлено внимание в грунте. Деятельность по определению археологического объекта является одним из центральных мест, где сырой материал, предоставляемый грунтом, который находится в фокусе археологического исследования, преобразуется в релевантные объекты, такие как формы на картах, оживляющие специфический дискурс археологии. Здесь естественная вещь — цветное пятно на участке грунта — превращается в культурный объект, который имеет значение для когнитивной работы конкретного сообщества.

217

Однако, в отличие от имеющего ту же форму рисунка на карте, которая будет унесена с места проведения полевых работ, знак, созданный контуром на земле, ситуирован внутри того же визуального и материального поля, что и объект, который он изображает. Он еще не отделен от цветового узора в грунте, который он репрезентирует. Лиминальное положение этого знака, то, что он находится одновременно в грязных частицах кодируемого грунта и в мире чистых, созданных человеком иконических репрезентаций археологически релевантных объектов, предоставляет важнейшие ресурсы для калибровки профессионального зрения и практики. Это позволяет другому археологу систематически оценивать точность и мастерство выполнения рабочих практик новичка путем сравнения нарисованного контура с формой, которую компетентный практик видит в самом грунте. Обратите внимание, что такое сравнение становится невозможным после того, как фигуру стирают с поверхности грунта и для изучения остается только карта.

Делая дополнительные пометки на грунте, квалифицированный археолог может использовать те же самые ресурсы, чтобы сделать публичными конкретные детали того, как она, в отличие от новичка, видит форму. Последовательность действий, отраженная на рисунке 9, разворачивается после того, как Энн, старший археолог, осмотрела контур, который нарисовала Сью.

В строках 1-2 Энн использует свой палец, чтобы показать, где именно она нарисовала бы контур по-другому, производя подвиж-

ный указательный жест, который оставляет небольшой след на земле за пределами круга Сю. Релевантное для археологической работы видение столбовой ямы, с которой ведется работа, калибруется несколькими актерами посредством систематических практик, которые оставляют видимые следы на публичной арене — на поле, которое содержит реальный объект, с которым производится работа. Такие практики обеспечивают систематические ресурсы для межпоколенческой передачи именно тех способов распознавания релевантных объектов и использования инструментов для работы с ними (в данном случае, придания объекту видимости посредством умелого использования лопатки), которые составляют когнитивную инфраструктуру профессии.

218

Энн

Сью

Карта

1 Ann: En I- I would'a put it
И я- я бы нарисовала его
a **ti::ny** bit out there.
немно::го вон там.
2 (0.2)

3 Ann: But **that's** no big deal.
Но **это** не так важно.
4 Sue: Okay.
Окей.
5 (0.5)

6 Ann: But do you **see**: *hhh uhm
Но ты **ви:дишь** *hhh э
7 (0.6)

8 Ann: Right there.
Вон там.
9 (1.5)

10 Ann: Okay.
Окей.
11 Sue: I don't see that one at all.
Я вообще его не вижу.
12

Рис. 9. Диалоговая организация совместного видения.

Fig. 9. The dialogic organization of shared vision.

Главным в этом процессе является не только видимое, материальное присутствие объектов, с которыми ведется работа, и возможность манипулирования, классифицирования и аннотирования

ния релевантных феноменов в поле действия, которая позволяет осуществлять публичный многоучастный (multi-party) анализ, но и организацию совместных действий во взаимодействии. В силу их воплощенного соприсутствия в соответствующей обстановке Энн способна видеть не только актуальную среду, которая является отличительным фокусом внимания ее профессии (земляной пол проводимых раскопок), но и операции, которые новичок выполняет с этой средой, пытаюсь находить и вести работу с вещами, которые любой компетентный член сообщества должен там видеть. Кроме того, поскольку Энн не просто наблюдатель, а человек, вовлеченный в совместное взаимодействие со Сью, она может использовать и использует то, что сделала Сью, в качестве отправной точки для своих собственных дальнейших действий. Метка, которую она оставляет пальцем, указывая на место, где она расположила бы границу объекта, не является изолированным действием, а, напротив, является видимым следующим действием по отношению к линии Сью, находящейся прямо рядом с ней. Новая метка Энн и речь, сопровождающая этот жест, критикуют и исправляют то, что сделала Сью, предлагая альтернативу тому месту, где она зримо расположила объект.

219

Ретроспективно Энн использует то, что сделала Сью, в качестве организующей рамки для построения своего собственного действия. Проспективно новая метка Энн и сопутствующая речь, категоризирующая эту метку, в отличие от метки Сью, как правильно очерчивающую объект, создают преобразованную среду для нового релевантного для работы видения, которое Сью теперь должна претворить в жизнь (в 7-й строке метка Энн сравнивается с цветовым узором грунта : «Ви:дишь» (“Do you see:”), и делают ответ Сью релевантным. В строке 12, после явно неудачной попытки увидеть узор, на который указывает Энн, Сью говорит: «Я вообще его не вижу» (“I don’t see that one at all”). Здесь важно не честное признание Сью, что она не видит того, что Энн хочет, чтобы она увидела, а то, как последовательностная организация действий во взаимодействии [Heritage 1984; Sacks et al. 1974; Schegloff 1968] создает постоянно обновляемые публичные контексты, в которых акторы используют текущее состояние среды в качестве отправной точки для построения следующего действия (например, размещение Энн своей метки рядом с линией Сью) и при этом создают новый или измененный контекст, который определяет то, что может произойти после этого. Эта архитектура интерсубъективности, составляющая часть текущего взаимодействия с другими акторами и значимым материальным миром, обеспечивает ресурсы, позволяющие калибровать профессиональное зрение, необходимое членам сообщества для совместного распознавания

вещей, в видении которых в среде, являющейся фокусом их работы, они доверяют друг другу, и для освоения практик, необходимых для правильной работы с этими вещами (например, распознавания столбовой ямы и перенесения ее формы на карту). Овладение практиками, необходимыми для конструирования карты, одновременно создает релевантную когнитивную архитектуру археологов, которые используют такие карты в своей работе (рис. 10).

220

Рис. 10. Формирование сообществ и познания через публичные интерактивные практики.

Fig. 10. Building communities and cognition through public interactive practices.

Исторически в гуманитарных науках произошло разделение изучения феноменов, составляющих человеческую жизнь, на различные дисциплины. Так, Соссюр утверждал, что язык является предметом отдельной дисциплины, которая должна существовать как самостоятельная область исследований, отделенная от других областей, таких как социология и психология. В рамках антропологии одна субдисциплина, археология, фокусируется на материальных объектах, сохранившихся от более ранних обществ, другая, лингвистическая антропология, изучает язык, и отдельные субдисциплины изучают социальную организацию, биологию и культуру. Хотя такие дисциплинарные исследования, ограничивающиеся

специфическими феноменами, позволили многого добиться, человеческая деятельность, на самом деле, выходит за эти границы. Как хорошо показано в работах разговорных аналитиков, организация разговора-во-взаимодействии — это не просто место возникновения языка в естественном мире, а элементарная форма человеческой социальности. Изучение человеческой социальной организации требует интенсивного анализа деталей использования людьми языка, а анализ языка требует внимания к эндогенным социальным практикам, посредством которых язык артикулируется как социальная практика в живом социальном мире. В данной работе я попытался продемонстрировать, что анализ реальных практик, используемых членами специфических сообществ для создания событий, составляющих их обыденные социальные миры, позволяет изучать человеческий язык, познание, социальную организацию, использование инструментов и воплощение с интегральной точки зрения. В этом интерактивном поле становится возможной когнитивная жизнь такого человека, как Чил, а детальные формы знания, социальная практика, воплощенное использование инструментов и отличительные способы видения мира и действия в отношении него, которые составляют такую профессию, как археология, возникают как живая социальная практика. Присущая человеческому действию мультимодальность, то, что оно строится путем объединения различных ресурсов для создания целого, превосходящего любую из его частей — например, экологически связанные жесты связывают категории с миром таким образом, что становится возможным обучение профессиональному зрению, лежащему в основе когнитивной жизни общества, — открывает возможность анализа человеческого языка, тел, познания (cognition) и социальной жизни с интегральной точки зрения.

Библиография / References

Bakhtin M. (1981) *The dialogic imagination: Four essays*, Austin: University of Texas Press.

Goffman E. (org.) (1981) Footing. E. Goffman, *Forms of talk*, Philadelphia: University of Pennsylvania: 124-159.

Goodwin C. (2010) Things and their embodied environments. L. Malafouris, C. Renfrew (orgs.) *The cognitive life of things*, Cambridge: McDonald Institute Monographs: 103-120.

Goodwin C. (1980) Restarts, pauses, and the achievement of mutual gaze at turn-beginning. *Sociological Inquiry*, 50(3-4): 272-302.

Goodwin C. (1981) *Conversational organization: Interaction between speakers and hearers*, New York: Academic Press.

- Goodwin C. (1994) Professional vision. *American Anthropologist*, 96(3): 606-633.
- Goodwin C. (2000) Action and embodiment within situated human interaction. *Journal of Pragmatics*, 32(10): 1489-1522.
- Goodwin C. (2007a) Environmentally coupled gestures. S. Duncan, J. Cassell, E. Levy (orgs.) *Gesture and the dynamic dimension of language*, Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins: 195-212.
- Goodwin C. (2007b) Interactive footing. E. Holt, R. Clift (orgs.) *Reporting talk: Reported speech in interaction*, Cambridge: Cambridge University Press: 16-46.
- Goodwin C. (2010) Constructing meaning through prosody in aphasia. In: D. Barth-Weingarten, E. Reber, M. Selting (orgs.) *Prosody in interaction*, Amsterdam: John Benjamins: 373-394.
- Goodwin C., Goodwin M. H. (1992) Professional vision. Plenary lecture. *Conference on Discourse in the Professions*, Uppsala.
- Heritage J. (1984) *Garfinkel and ethnomethodology*, Cambridge: Polity Press.
- Jefferson G. (1979) A Technique for inviting laughter and its subsequent acceptance/declination. G. Psathas (ed.) *Everyday Language: Studies in Ethnomethodology*, New York: Irvington Publishers: 79-96.
- Linell P. (2005) *The written language bias in linguistics: Its nature, origin and transformations*, Oxford: Routledge.
- McNeill D. (1992) *Hand & mind: What gestures reveal about thought*, Chicago: University of Chicago Press.
- Sacks H., Schegloff E. A., Jefferson G. (1974) A simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation. *Language*, 50(4): 696-735.
- Schegloff E. A. (1972) Sequencing in conversational openings. J. J. Gumperz, D. Hymes (orgs.) *Directions in sociolinguistics: The ethnography of communication*, New York: Holt, Rinehart and Winston: 346-380.
- Schegloff E. A. (1968) Sequencing in conversational openings. *American Anthropologist*, 70(6): 1075-1095.
- Schegloff E. A., Jefferson G., Sachs H. (1977) The preference for self-correction in the organization of repair in conversation. *Language*, 53(2): 361-382.
- Volosinov V. N. (1973) *Marxism and the philosophy of language*, Cambridge/London: Harvard University Press.
- Wilkinson R., Beeke S., Maxim J. (2003) Adapting to conversation: On the use of linguistic resources by speakers with fluent aphasia in the construction of turns at talk. C. Goodwin (org.) *Conversation and Brain Damage*, Oxford: Oxford University: 59-89.
- Wittgenstein L. (1958) *Philosophical investigations*. 2nd ed. Oxford: Blackwell.

Рекомендация для цитирования:

Гудвин Ч. (2023) Мультиmodalность в человеческом взаимодействии. *Социология власти*, 35 (2): 197-222.

For citations:

Goodwin Ch. (2023) Multimodality in Human Interaction. *Sociology of Power*, 35 (2): 197-222.

Поступил в редакцию: 01.05.2023; принят в печать: 29.05.2023

Received: 01.05.2023; Accepted for publication: 29.05.2023